

РЕЦЕПЦИЯ Ф. ДОСТОЕВСКОГО В КРИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ Л. ШЕСТОВА

Постановка проблемы. Среди работ Л. Шестова, связанных с интерпретацией русской классической литературы, особое место принадлежит Ф. Достоевскому. К творчеству писателя критик обращается в связи с проблемой психологизма, экзистенции, авторского сознания. Ф. Достоевский близок Л. Шестову по трагическому мироощущению, чувственно-иррациональному осмыслению человека и его взаимосвязей с миром и Богом. В. Лашов отмечает: «Искания... Достоевского, преломлённые в ...творчестве, в наивысшей степени резонируют с шестовской жаждой трансцензуса и дерзновения как своего рода синонимов спасения» [7, с. 47]. Статьи критика о Ф. Достоевском связаны с его концепцией знания и веры, сакрального и профанного, жизнью и смертью. К жизненному и творческому пути писателя Л. Шестов обращается в работах: «Добро в учении гр. Толстого и Ницше» (1900), «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)» (1903), «Апофеоз беспочвенности» (1905), «Начала и концы» (1908), «Potestas clavium. (Власть ключей)» (1915), «На весах Иова (Странствие по душам)» (1929), «Афины и Иерусалим» (1938). Ф. Достоевский стал для Л. Шестова мыслителем, о котором критик писал на протяжении всей деятельности. Так, например, в 1923 и 1927 годах Л. Шестов в Париже читает в Славянском университете при Сорбонне лекционные курсы «Философские идеи Достоевского и Паскаля» и «Религиозно-философские идеи Толстого и Достоевского», а ещё ранее, в 1922 году, во французской прессе появляются рецензии с положительной оценкой статьи Л. Шестова о Ф. Достоевском («Достоевский и Ницше (Философия трагедии)»). В последние годы жизни критик готовит лекции о Ф. Достоевском для парижского радио.

В современном литературоведении к проблеме «Ф. Достоевский и Л. Шестов» обращаются такие исследователи, как Э. Бабаева, Н. Батова, Н. Бонецкая, Я. Головин, В. Лашов, Л. Мареева, Н. Мотрошилова, В. Сабирова, А. Сендерович и др. Определённое количество работ есть при университете Торонто, в университете г. Глазго, где систематически выходит журнал «The Lev Shestov Journal» и создано общество «Lev Shestov Studies Society». Вместе с тем, ряд проблем и аспектов заявленной проблемы требует более детального рассмотрения, поскольку они являются определённым, значимым центром в понимании шестовской «философии трагедии» и находят своё отражение в антропологической модели критика.

При анализе романов Ф. Достоевского Л. Шестов интересуется не столько фактография и простое жизнеописание, сколько выявление через отдельные моменты жизни и творчества Ф. Достоевского истоков его мировоззрения, философии трагедии, возникновения человека порогового, экзистенциального сознания. Писатель стал центральной фигурой в критическом наследии Л. Шестова, ибо доминантами в его романах, с точки зрения критика, явились:

- экзистенциальное сознание;
- диалектика добра и зла;
- бытийные вопросы.

Литературную деятельность писателя Л. Шестов делит на 2 периода:

- 1) от «Бедных людей» до «Записок из мёртвого дома»;
- 2) от «Записок из подполья» до «Пушкинской речи».

Первый период критик анализирует с точки зрения роли и места Ф. Достоевского в истории литературы. Значимый интерес для него представляет второй, поскольку в нём, с точки зрения Л. Шестова, отразился внутренний духовный кризис Ф. Достоевского, связанный с проблемой

культурной памяти, переосмыслением системы личностных ценностно-смысловых ориентиров. В этот период Ф. Достоевский «ушёл в одиночество, чтобы спастись...от того подполья, в котором обречены жить все, от мира, оправданного разумом» [13, с. 49]. В этот период мотив подполья и подпольного человека становится центральным, с точки зрения Л. Шестова, в творчестве писателя.

Отметим важный факт, на который указывает Н. Раковская: «Точка зрения автора и героя Л. Шестовым не различаются» [10, с. 251]. Именно поэтому в статьях критика находим подобного рода сочетания (которые Л. Шестов пишет через дефис) — «Достоевский-Раскольников» или «Между словами Достоевского и Ивана Карамазова нет никакой разницы» [13, с. 195], свидетельствующие об отождествлении системы персонажей с авторским началом в произведениях писателя. Вместе с тем, как известно, М. Бахтин назвал романы Ф. Достоевского «романами идей» [1, с. 95], «полифоническими романами». Л. Шестов считал главных персонажей романов лишь масками автора. Таким образом, указывая критик, автор «примеряет» (создаёт) различные характеры, в рамках которых каждая из его идей развивается по-своему (иногда — неожиданно для самого Ф. Достоевского). Благодаря этому, автор, с точки зрения Л. Шестова, осуществляет акт познания в рамках произведения: «Достоевский всегда рассказывал только о себе» [13, с. 197].

Именно Л. Шестов одним из первых заговорил о масках (двойниках) Ф. Достоевского: «... и Мышкин, и Рогожин, и все остальные — не люди, а маски... Но под ними вы видите настоящего, одного, живого человека — самого автора».

Так, например, Кириллов в романе Ф. Достоевского «Бесы» (в главе «Многотрудная ночь»), разговаривая с Петром Степановичем Верховенским, заявляет несколько проблем, причём на уровне синтагматики речевых высказываний героя просматривается один из модусов сознания самого Ф. Достоевского:

«Стало быть, самые законы планеты ложь и диаволов водевиль»

↓

«Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою»

↓

«Верую! Верую»

Данная схема иллюстрирует положение Л. Шестова о том, что Ф. Достоевский как писатель состоялся вследствие личностной эволюции мировидения. Выйдя после каторги на свободу, писатель осознал несостоятельность ранее им признаваемых законов морали и нравственности. Им он противопоставил творчество, романы, в которых герои ищут бытие вне строгих правил обыденности. Следующим моментом стало осмысление Ф. Достоевским некоего нового дара, связанного с «непокорностью», который открывает путь трагического познания мира и человека. Сам писатель не знает пределов этого «страшного дара второго зрения». Ф. Достоевский приходит к вере как спасительному началу в своей судьбе. Таким образом, в монологе Кириллова в свёрнутом варианте представлена сложная трансформация мировоззрения и мироощущения самого писателя, выраженная им бессознательно в идеологической системе одного из героев.

Иначе в данном контексте звучит эпиграф к роману «Бесы»: «Тут на горе паслось большое стадо свиней, и они просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло. Пастухи, увидя случившееся, побежали и рассказали в городе и по деревням. И вышли жители смотреть случившееся, и пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом уме и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесновавшийся» (Евангелие от Луки. Глава VIII, 32–36). С точки зрения Л. Шестова, одержимым человеком может быть писатель, в сознании которого сосредоточено множество микросознаний своих героев (история становления их идей — это история поисков самого автора). Лишь только

тогда, когда автор освободится от множественности образов бытия, он сможет стать целостной личностью, из которой «вышли бесы», сидящей у ног Бога.

Принцип существования двойников автора в романах Ф. Достоевского можно представить таким образом:

«...двойники появляются, когда внезапно исчезает способность, благодаря которой «я» соотносит себя с миром, Другим и Собой» [9, с. 595]. Таким образом, двойничество в романах Ф. Достоевского Л. Шестов связывает, прежде всего, с несколькими факторами:

□□с проявлением в «больных» персонажах кризисных состояний Ф. Достоевского (например, припадки Смердякова как знак мучительности в сознании автора положения убийцы; приступы и болезнь князя Мышкина как знак невозможности действовать в мире бытия, принимая правила морали и разума);

□□с поиском автором собственной личностной позиции в трагическом бытии.

Именно Л. Шестов впервые «в радикальной форме поставил вопрос о тождественности голоса автора и его героев» [7, с. 48] в романах Ф. Достоевского.

Значимой для Л. Шестова при анализе романов Ф. Достоевского становится проблема автора. Как уже отмечалось, Л. Шестов отождествляет автора (= Ф. Достоевского) и героев. Но для того, чтобы верно интерпретировать позицию критика, нужно сделать несколько дополнений:

1. Б. Корман отмечает, что «люди в романах Достоевского смотрят друг другу в глаза и обмениваются сущностями» [5, с. 30]. Именно эта особенность, с точки зрения Л. Шестова, снимает явную грань между персонажами и автором как «носителем концепции произведения» [5, с. 31], то есть всех отдельных смыслов, идей.

2. В критике Л. Шестова романы Ф. Достоевского — результат мучительного опыта самого писателя. Все идеи, жившие в сознании Ф. Достоевского, получили своё воплощение в героях, каждый из которых — «материализовавшаяся этическая доктрина, крах которой означает гибель личности» [5, с. 32]. С точки зрения Л. Шестова, каждый раз, когда этическая доктрина героя разрушалась, происходил акт гибели автора, который в последующем возрождался в новой доктрине. В данном контексте Л. Шестов придерживается точки зрения о том, что автор многогранен в своих героях, его сознание — это макрокосм, включающий микрокосмы сознаний героев. Данная схема тесно связана с концепцией полифонического романа и теорией диалогичности М. Бахтина.

3. Л. Шестов, анализируя романы Ф. Достоевского, отмечал явления «вненаходимости», «внутринаходимости» и «преднаходимости» автора (ещё не называя данные явления соответствующими терминами).

4. О вненаходимости Л. Шестов ведёт речь, когда обращается к проблеме «автор и герой». Критику близка точка зрения о том, что писатель как «художник не вмешивается в события как непосредственный участник его ... он занимает существенную позицию вне события, как созерцатель, незаинтересованный, но понимающий ценностный смысл совершающегося...» [1, с. 340]. Но, в

отличие от М. Бахтина, для Л. Шестова данная позиция лишь отправная точка «вживания» автора в своих героев. Более важную роль в концепции критика играет внутринаходимость автора (которая возможна лишь после вненаходимости), когда Ф. Достоевский пребывает в своём произведении, «осуществляет себя по его законам» [1, с. 303].

5. Л. Шестов представил мировоззренческую эволюцию Ф. Достоевского в форме трёх этапов:

*«философия жизни» (когда писатель существует как моралист. Это Ф. Достоевский до «Записок из подполья»). Здесь автор чётко отделён от героев;

*«философия трагедии» (экзистенциальный порыв, переоценка бытия и себя в нём, ощущение онтологического одиночества). Автор выражается через персонажей, совершает акт познания, поиска;

*□ «философия веры» (человек стоит перед лицом Бога).

Интересно отметить, что критический путь самого Л. Шестова некоторые исследователи (Н. Мотрошилова, Я. Головин и др.) также делят на 3 выше обозначенных этапа, определяющим в которых становится круг доминантных тем и проблем. Данное наблюдение подтверждает **особую форму субъективного анализа («шестовизацию», «прочтение через себя»)**, которая является определяющей при анализе романов Ф. Достоевского. Л. Шестов при анализе романов Ф. Достоевского использует экзистенциально-психологический метод.

Доминирующими при анализе Л. Шестовым характеров в романах Ф. Достоевского становятся внутренние монологи, самохарактеристики, ряды синонимов (в основном — при градации в описании состояния безысходности, обмана, пороговом состоянии). Так, описывая себя, подпольный человек отмечает: «Я человек больной. Я злой человек. Непривлекательный я человек...» [4, с. 15]. Данные однотипные конструкции с первых строк «Записок» дают яркие характеристики:

1) повторение местоимения «я» указывает на обращённость персонажа в свой внутренний мир как часть общего замысла. Через себя персонаж движется к проблемам бытия. Оппозиция (Я — бытие) подчёркивает контраст: от описания себя персонаж внезапно переходит к описанию проблем со здоровьем: «Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень»;

2) в трёх предложениях повторяется слово «человек», которое свидетельствует о глубоком **осознании** себя как части мира, бытия;

3) прилагательные «больной», «злой», «непривлекательный» указывают на отсутствие **ощущения** себя в бытии.

Таким образом, подпольный человек, с точки зрения Л. Шестова, понимает, что он — часть бытия, Божественного замысла, но не ощущает себя центром этого бытия, поскольку слишком погряз в обыденности. Для него акт рефлексии — это мука, потому что «слишком сознавать — это болезнь». Состояние пограничности, онтологического одиночества и экзистенциального выбора подчёркивают синонимические ряды: «полуютчаяние», «полувера», «безвыходность» и др.

Заметим, что для Л. Шестова подобные кризисные состояния происходят по схеме:

падение → экзистенциальный ужас → разрыв с прошлым

Интересной является точка зрения критика о постоянной интенции Ф. Достоевского — оправдать своих героев. Например, Л. Шестов считает, что героев писатель оправдывает в примечаниях (см. «Записки из подполья», «Кроткая» и др.). Данный факт связан, как нам представляется, с явлением, о котором писал М. Бахтин, — завершение героя в смерти через его оправдание. Таким образом, Л. Шестов, не будучи знаком с концепцией М. Бахтина, во многом предвосхитил её.

Отметим тот факт, что границ романов (в критическом наследии Л. Шестова) не существует. Критик сталкивает позицию Ивана и Кириллова, Великого Инквизитора и Раскольникова и т. д. Это свидетельствует об открытости Л. Шестова как критика к диалогу. Критик отмечает, что главы

романа «Братья Карамазовы» «Бунт», «Глетворный дух», «Братья знакомятся» и «Легенда о великом инквизиторе» могли бы быть целиком помещены в «Записки из подполья». Заметим, что М. Гиршман, говоря о героях в романах Ф. Достоевского, замечает: «Даже критерием универсальности человеческой натуры оказывается у Достоевского прежде всего степень **предельного совмещения предельных противоположностей в ней**» [3, с. 450]. Так, Ставрогин в романе «Бесы», с точки зрения Л. Шестова, «всё», потому что **совмещает** «крайние пределы высочайшего идеала и столь же беспредельного безобразия» [3, с. 450]. Именно сочетание веры и безверия, космоса и хаоса, обыденности и абсурда в сознании одного писателя могло способствовать созданию романов о человеческой двойственности.

Анализируя романы Ф. Достоевского, Л. Шестов расширяет классификацию типов человеческой личности:

- человек плотской сути
- ↓
- «трус» «эгоист» «развратник»

- человек душевной сути;
- человек духовной сути;
- наивный человек;
- последний человек
- ↓
- «живая душа/ мысль»

Таким образом, отметим, что:

- 1) интерес для Л. Шестова представляет творческий и жизненный путь Ф. Достоевского в целом;
- 2) система персонажей в произведениях Ф. Достоевского — это система двойников автора;
- 3) основополагающими категориями при антропологическом анализе творчества Ф. Достоевского являются оппозиционные пары «обыденность-абсурд», «рациональное-чувственное», «космос-хаос»;
- 4) человек Ф. Достоевского в концепции Л. Шестова — это универсум в свёрнутом виде.

Литература

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского / Бахтин Михаил. — М.: Худож. лит., 1986. — 359 с.
2. Бройтман С. Историческая поэтика / Бройтман Самсон. — М.: Изд-во РГГУ, 2001. — 400 с.
3. Гиршман М. Литературное произведение: Теория художественной целостности / Михаил Гиршман. — М.: АСТ, 2002. — 459 с.
4. Достоевский Ф. Записки из подполья / Фёдор Достоевский. — М.: Худож. лит., 1987. — 205 с.
5. Корман Б. Проблема автора в художественной прозе Ф. М. Достоевского / Борис Корман. — М.: АСТ, 1995. — 35 с.
6. Кувакин В. Мыслители России: Избр. лекции по рус. философии / Валерий Кувакин. — М.: Российское гуманистическое общество, 2005. — 249 с.
7. Лашов В. Лев Шестов и русская литература / В. Лашов // Русская литература. — 1992. — № 5. — С.45–49.
8. Лотман Ю. Структура художественного текста / Юрий Лотман. — М.: Просвещение, 1970. — 178 с.
9. Подорога В. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы / Валерий Подорога. — М.: Логос, 2006. — 688 с.
10. Раковская Н. Литературная критика. Проблемы теории и истории / Нина Раковская. — Одесса: Астропринт, 2007. — 304 с.
11. Топоров В. Миф. Ритуал. Символ. Образ / Владимир Топоров. — М., 1995. — 354 с.
12. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности / Лев Шестов. — М., 1905. — 159 с.
13. Шестов Л. Достоевский и Ницше (философия трагедии) / Лев Шестов. — М.: Аст Москва: Хранитель, 2007. — 220с.
14. Шестов Л. Предпоследние слова [11 афоризмов] / Лев Шестов // Русская Мысль. — Париж, 1907. — № 5. — С. 11–19.